

НА ГОГОЛЕВСКОМ ФЕСТИВАЛЕ В ПАРИЖЕ

31 марта–1 апреля в Париже прошел Гоголевский фестиваль, посвященный 200-летию со дня рождения великого писателя. В мероприятии, организованном франко-русским литературным комитетом, приняли участие авторитетные специалисты по творчеству русского классика, популярные писатели из Франции и России, художники, музыканты.

Собственно, франко-русский литературный комитет – это несколько энтузиастов, поставивших своей целью продвигать современную русскую литературу в западноевропейское информационное пространство, сближать литературные сообщества России и Франции, стимулировать проявления интереса французского читателя к литературе России, классической и современной. Юбилей Гоголя дал повод продемонстрировать, сколь успешной может быть деятельность общественной организации. Разумеется, в процессе подготовки фестиваля его организаторам пришлось столкнуться с множеством разнообразных проблем. Однако имя Гоголя открывало сердца и двери. И всё же осуществить этот амбициозный проект стало возможно только после поддержки его Фондом “Русский мир”.

Сам фестиваль открылся 31 марта в амфитеатре легендарной Национальной школы L’ENA на авеню Обсерватуар, напротив Люксембургского сада, и в приветственной речи франко-русского литературного комитета прозвучало обоснование того, почему ученые и писатели собрались в Париже. Оказывается (многие этого не знали), когда в Москве в 1909 году праздновали столетие со дня рождения русского классика, из Франции прибыла большая делегация. В Париже, как известно, Гоголь написал значительную часть поэмы “Мертвые души”...

В первый день фестиваля, который может быть назван днем ученых, состоялись Гоголевские Чтения. После протокольной части место в президиуме заняли докладчики, которых представил публике крупнейший европейский специалист по русской литературе Жорж Нива.

Открыл Чтения доклад профессора *Юрия Манна* “Парадокс о Гоголе”. При жизни Гоголя, говорилось в нем, да и в течение многих десятилетий позже, никто бы не подумал, что двухсотлетие со

дня его рождения будет отмечаться как культурное событие мирового значения. Белинский в 1842 г. писал: “Где, укажите нам, где веет в созданиях Гоголя этот всемирно-исторический дух, равно общее для всех народов и веков содержание? Скажите нам, чтобы случилось с любым созданием Гоголя, если б оно было переведено на французский, немецкий или английский язык? Что интересного (не говоря уже о великом) было бы в нем для француза, немца или англичанина”. Но вот прошло не так уж много времени, и французский литератор Мельхиор де Вогюэ смог с уверенностью сказать, что в будущем у каждого образованного читателя рядом с “Дон Кихотом” Сервантеса будет стоять том “Мертвых душ”. Объяснению этого парадокса и был посвящен доклад.

Профессор *Жорж Нива* в докладе «Кто и что вышло из “Шинели” Гоголя» утверждал: «“Мертвые души” потому “поэма”, что вещи у Гоголя всегда приобретают некий мистический статус. Писать для Гоголя – это прежде всего взять и описать вещь, дом, улицу, самовар... Другими словами уметь смотреть. Самый простой предмет может стать неким целым, а это маленькое целое в свою очередь становится фрагментом другого и большего целого, вплоть до контуров самого Целого. Наблюдение ведет к созерцанию. Так оно и есть у великих мистиков, так оно и есть у великих художников. Гоголевское созерцание вещей ведет к Сезанну, к Прусту, к мистической конкретности Роб-Грийе».

Гоголевская антропология – трудная тема. Таков исходный тезис доклада ведущего научного сотрудника Института мировой литературы РАН *Сергея Бочарова* “О негативной антропологии Гоголя”. Докладчик воспользовался понятием, введенным в гоголеведение немецкой исследовательницей Хильдегунг Шрайер, и поставил своей задачей проверить его обоснованность по отношению к необычному знанию о человеке, открывшемуся в гоголевском искусстве. В его истоке было новозаветное слово о внешнем и внутреннем человеке (2 Кор., 4, 16), явившееся духовной моделью для их резкого разделения в человеческом образе, установленного впервые в русской литературе Гоголем; при этом внешнего человека он развернул детально, а внутреннего, по слову Иннокентия Анненского, оставил в тени

и в тайне. Парадоксальным результатом этой антропологии был гоголевский человек, который кажется столь материальным и примитивным и в то же время явился таинственным и проблемным, каким он не был в нашей литературе до Гоголя.

В докладе профессора Санкт-Петербургского педагогического университета *Сергея Гончарова* “Между проповедью и исповедью” говорилось: «Жизнетворческие задачи Гоголя, стремление словом “произвести доброе влияние на общество” поставило перед ним проблему эффективности и силы действия художественного и религиозного дискурса. Стремление сказать прямое слово, призыв к воскрешению жизни на христианских началах не сделали из Гоголя проповедника, но не уничтожили в нем литератора».

Профессор *Леонид Гаккель*, в докладе “Н.В. Гоголь и музыка” заметил: “Среди русских писателей-классиков нет ни одного, кто бы казался более легкой добычей для театральной и программной музыки, чем Гоголь. Покоряющие сюжеты (анекдотические и фантастические), ярчайшая интонационная окраска литературного языка – все это манило неудержимо. Но нет и ни одного писателя, который ускользал бы от своих музыкальных интерпретаторов с таким же постоянством”.

Профессор *Игорь Волгин* в докладе “Гоголь и Достоевский” утверждал: “Нравственный максимализм русской литературы идет от Гоголя. Его родовые черты властно проступают в лицах Толстого и Достоевского. Им троим мало одной литературы; они пытаются установить новое соотношение между искусством и действительностью. Они хотят воссоединить течение обыденной жизни с ее идеальным смыслом, сделать этот смысл мировой поведенческой нормой. Это попытка прорваться к читателю сквозь литературу”.

Доктор филологии *Наталья Грыкалова* в докладе “XX век открывает Гоголя” высказала мнение, что *Гоголю вообще невозможно поставить хорошего памятника*. “Гоголь, изваянный в бронзе, – задача неразрешимая”, – утверждает Розанов. Почему? Как соединить в бронзе лирика и реалиста, каковым Гоголь являлся? Какой период его творчества запечатлеть – периода малороссийских повестей, петербургских фантазмагорий или религиозного мистицизма “Избранных мест”?

С интересом было выслушано выступление директора Института философии Академии наук Украины *Мирослава Поповича* “Семантика образов Гоголя”. “Глубинная структура текста, – говорил докладчик, – имеет дело со смыслом, общим для различных языковых реализаций. Понимание текстов Гоголя предполагает обращение к глу-

бинным структурам, в формировании которых принимали участие самые архаичные культурные образы”. В докладе это положение было проиллюстрировано рядом примеров: понимание зла как хаоса, метафизика взгляда и образ двойника.

Профессор *Мишель Окутурье* выступил с докладом “Участие Франции в праздновании столетия со дня рождения Гоголя в Москве”. Он говорил о традиционном и взаимном интересе литераторов и интеллектуалов Франции к России. В 1909 году делегация Франции была самой многочисленной и состояла из 44 писателей и ученых. На закрытии празднований весь зал пел “Марсельезу”.

Нельзя не отметить, что на Чтениях господствовала атмосфера духовного единения и все доклады были выслушаны благодарной аудиторией с большим вниманием. Впрочем, в конце рабочего дня, начавшись в президиуме, а затем распространившись и на зал, вспыхнула дискуссия. Как известно, в 1909 году в Москве установили памятник Гоголю (скульптор Андреев). В сталинские времена мрачный образ писателя, закутанного в шинель, заменили на советский монумент (скульптор Томский), убрав депрессивную скульптуру в сквер возле дома, где писатель скончался. Памятники находятся неподалеку друг от друга, и между ними идет молчаливое противостояние, в которую недавно вмешалась общественность. Нужно ли возвращать памятник Андреева на прежнее место? Что делать с памятником Томского? Ученые страстно отстаивали разные точки зрения, а местные слушатели внимали этому сугубо российскому спору с изумлением. Вечное желание русских что-нибудь переименовать или кого-нибудь перезахоронить французам, чтящим свою историю в ее многообразии, непонятно. Но интересно. Правда и у них роняли Вандомскую колонну и сносили конные статуи королей. Но всё это – дела давно минувших дней. Выступления синхронно переводили через наушники, и динамика спора не теряла остроты.

1 апреля, день рождения Гоголя, был отдан писателям. До перерыва в президиуме под председательством *Даниель Саленав* находились французские писатели, точнее сказать, писательницы *Ноэль Шателе*, *Лиан Гийом*, *Мари-Луиз Одиберти*, *Беатрис Клеманже*, и речь зашла о судьбах романа. Постепенно в дискуссию включились, сидящие в зале. Прозвучало мнение, что важнее не то, каким будет роман, а то, где он окажется. Эпоха Гуттенберга, связанная с возникновением печатной книги, похоже, закончилась. Информационная революция породила множество новых

носителей. Телевидение, Интернет, аудио-книги и т.п. значительно потеснили и традиционную книгу, и роман как наиболее важную часть литературы. Как выжить литературе в новом информационном пространстве? Все эти вопросы вызвали горячие споры.

После перерыва в президиум переместились писатели из России. Но перед началом работы в пространстве перед сценой появился мужчина средних лет, представился Герасимом, сказал, что он ученик Марселя Марсо, что его попросил выступить на фестивале Вячеслав Полунин. Актер мастерски исполнил пантомиму на тему гоголевской “Шинели”, чем удачно подготовил атмосферу перед выступлениями россиян, которые по очереди выходили к микрофону и произносили короткие речи на тему “Гоголь и современность”. В числе выступавших были *Валерий Попов, Владимир Рекшан, Сергей Носов, Герман Садулаев, Михаил Бутков, Елена Долгопят, Алексей Грякалов, Александр Илличевский, Наталья Ключарева, Алексей Лукьянов, Игорь Малышев, Мария Рыбакова, Сергей Солоух, Ольга Славникова, Владимир Шаров, Сергей Шаргунов, Владимир Шпаков*. Все они единодушно подчеркивали непреходящую актуальность гоголевского творчества.

Несколько особняком на этом фоне стояло выступление литературоведа – французского специалиста по творчеству Сервантеса *Жана Канаваджо*. По его мнению, «когда Пушкин обсуждал с Гоголем идею написания “Мертвых душ”, то он размышлял о Сервантесе. Пушкин считал уместным включение в книгу своего младшего коллеги эпизода, в котором Чичиков раскрывает свои планы-мечты. Ведь Чичиков, как и Дон Кихот, – это классический образец конфликта между повседневной реальностью и мечтой. И результатом этого конфликта становится смех. Если Дон Кихот смешон своими запоздалыми рыцарскими идеалами, то Чичиков вызывает смех преждевременной буржуазной аферой».

Пушкин, обсуждая с Гоголем композицию “Мертвых душ”, мог обращаться к примеру романа Сервантеса “Дон Кихот”, где герой раскрывает свои планы-мечты до того, как мы узнаем о перипетиях их осуществления. Но если этот великий роман представляет нам, как и роман Сервантеса, конфликт между повседневной реальностью и мечтой (в результате чего и возникает комический эффект), то идеалом, которому следует Чичиков, является успех сомнительных предприятий новоявленного “рыцаря удачи”, а не высокая слава “странствующего рыцаря”.

В фойе перед амфитеатром разместилась выставка работ иллюстраторов Гоголя Сергея Лемехова и Николая Придеина. Тут же были вывешены и картины Николая Копейкина из его известной серии про слонов. Сами слоны прямого отношения к Гоголю не имели, но были красивы, многочисленны и гротескны, отчетливо перекликаясь с “Петербуржскими повестями”. Тут же расположились стенды с выставкой русских книг, изданных французскими издательствами за последние несколько лет. Особый интерес участников чтений и гостей фестиваля вызвала выставка фоторабот студентов Сорбонны. Под руководством Сары Бельмонт, готовящей докторскую диссертацию о Гоголе, студенты нашли и сфотографировали места, связанные с пребыванием русского классика в Париже. На основе этого фотоисследования Франко-русский литературный комитет планирует обратиться к властям Парижа с предложением подобрать место для размещения мемориальной доски.

В тот же день, в мэрии VI округа столицы Франции по приглашению мэра г. Лекока российские ученые выступили с лекциями о Гоголе на русском языке.

Торжественным завершением фестиваля стал прием в резиденции посла Российской Федерации на улице Греннель. Это, надо заметить, настоящий дворец с золочеными потолками, широкими мраморными лестницами и роялем “Стейнвей” в главном зале. Дипломаты, писатели, ученые, лицеисты, художники, представители парижской общественности, любители русской словесности, литературные критики уселись посреди торжественно освещенной залы и выслушали речь посла г. Орлова. Далее слово взяла хозяйка приема, председатель Франко-русского литературного комитета Ирина Рекшан: “Мы хотели, чтобы эта дата стала настоящим праздником, достойным гения Гоголя, русской литературы, русской культуры и любви Франции к ней” .

Можно смело сказать, что последующее появление Сергея Стадлера, исполнившего несколько скрипичных композиций, стало неопределимым по красоте и щедрости подарком фестивалю от Петербургской Консерватории.

Официальная часть закончилась подведением итогов конкурса среди парижских лицеистов на лучшие сочинения о русской литературе. Почетный ректор Университета Парижа мадам Ирен Сокологорский сказала: “Сегодняшняя молодежь и читает классические литературные произведения, и обращается к ним как к мерилам правды и неправды в острые минуты своей жизни”. Фина-

листы конкурса получили призы и ценные подарки, а победителя вместе с родителями наградили поездкой в Санкт-Петербург с именной экскурсией в Эрмитаж и Русский музей и приглашением остановиться в гостинице “Астория”.

Несколько слов в заключение. Для европейской цивилизации создание общего культурного пространства необходимо хотя бы для более эффективного противодействия внешним вызовам, с которыми столкнулся в новом столетии наш континент. Это очевидно. Но культурное пространство без равноправной конвергенции литератур невозможно. И здесь речь идет, скорее, не о клас-

сике, бесспорно остающейся опорой интеллектуального диалога, а о литературе современной. Постоянное взаимное “прочтение” избавляет от сложившихся стереотипов. А именно ложные стереотипы мешают народам и странам сотрудничать к взаимной пользе. При взаимном “прочтении” национальные литературы становятся богаче, впитывая эстетические, стилистические и прочие открытия соседей. А ощущение коллективной литературной “мощи” придаст уверенность всей большой Европе в новом глобальном мире информационного общества.

Вл. Рекшан (Франция)

Сдано в набор 30.06.2009 г.

Подписано в печать 20.08.2009 г.

Формат бумаги 60 × 88¹/₈

Цифровая печать

Усл. печ.л. 10.0

Усл.кр.-отт. 5,9 тыс.

Уч. изд.л. 10.0

Бум.л. 5.0

Тираж 563 экз.

Зак. 649

Учредители: Российская академия наук

Издатель: АИЦ “Наука” РАН, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6